

ющий гамлетовскую проблему.

И как чеховский извозчик Иона делится со своей лошадию постигшей его бедой, так Чмутин рассказывает голубю, что он — кровельщик, всю жизнь крыл крыши, но дома его покрытия уже состарились и идут на слом, значит, и от его трудов скоро ничего не останется. Ничего. Нет, не жалоба, не сентиментальная слезинка, а так — раздумья, размышления вслух. Все нормально. Естественно все.

Добрый человек... Добрый! Не представляет жизни без того, чтобы не быть полезным, не быть нужным другим. Вот то бесценное качество, которое дороже всего актеру в его любимых героях.

По-русски, по-деревенски добрым был и его Простой человек из пьесы Василия Шукшина «Энергичные люди». Этот работяга выглядел среди чопорно разодетых гостей завмага Аристарха белой вороной.

Казалось бы, чего мудрить: играй пропойцу, для которого остался в жизни один свет в окне, одна радость — бутылка. Разоблачай его, показывай, до чего докатился! И будет смешно, будут аплодисменты. Но чем больше мы узнавали Простого человека Н. Волошина, тем тревожнее становилось на сердце. Потерял себя Простой человек. Потерял, а найти не может. Покинул деревню, а к городу так и не пристал. Точно ощутил и передал Волошин в этом характере одну из самых болезненных точек шукшинского творчества — драму «родившегося на покосе» и оказавшегося на чужой городской улице.

За четверть века работы в Горьковском академическом театре драмы имени М. Горького Волошин сыграл много. Один из самых занятых, самых репертуарных актеров, он нужен любому режиссеру, ставит тот комедию или драму. Не все, конечно, удавалось в равной мере. Но кого бы актер ни играл, он всегда стремился к постижению сути характера, к тому, чтобы поступки и действия находили психологическое оправдание, а обязательная в каждой роли бытовая характеристика проявлялась в пластике, в гриме, в деталях костюма. Вероятно, это от школы, от А. М. Лобанова, считавшего, что «самое главное в спектакле — создание характеров» и что даже «в романтизме наших дней необходим элемент быта».

Сценический характер выстраивает у Волошина медленно и не всегда поэтому бывает окончательно завершен к премьере. Доводится, «допекает» в спектаклях. В этом процессе, так сказать, на публике, что-то отбрасывается, отсекается, а что-то приходит. О том, что и как им делается, Николай Григорьевич рассказывать не любит, а может, не умеет. Актер интуиции, он к аналитическому разбору большого интереса не проявляет, и когда разговор заходит в это русло, обычно коротко соглашается с собеседником: — Да? Вы так поняли? Может быть...

Полагает, что дело актера — играть, а не рассуждать о сыгранном. Досадно, что какие-то роли прошли мимо Волошина. Он был бы, думаю, интересным Сирано, Булычковым... Впрочем, последнее еще не потеряно.

Народный артист РСФСР Н. Волошин. Фото Н. Медведевой.

люди искусства

ИЗ ШАХТЕРСКОГО ПЛЕМЕНИ

С. ФИХ

что читал он плохо. Однако принял.

Рассказывает об этом эпизоде Николай Григорьевич с присущим ему юмором, улыбаясь, но глаза у него подозрительно влажные. Кто знает, как сложилась бы жизнь, не встретись ему тогда Лобанов.

Произошла эта встреча более тридцати лет назад. Двадцать пять из них Волошин — в Горьком.

Если быть придирчиво строгим, то украинский акцент в его речи иногда вдруг прорвется, но обнаружить его может лишь ухо, очень искусственное в фонетических тонкостях.

По первым шагам на горьковской сцене Волошин казался актером дарования исключительно комедийного. В ролях и житейском обиходе он был заразительно весел и жизнерадостен. Помню, какими взрывами смеха зал встречал каждое появление его Тимофея Шпака, наглого и самоуверенного шалопаи из комедии Александра Корнейчука «Почему улыбались звезды». Правда, это было давно, в конце пятидесятых годов.

А вот совсем недавно точно такой реакцией встречал Волошина зритель сегодняшних в спектакле «Клерон» по пьесе Маргит Гашпар. Министр фон Вальдов — глупейшее, долговязое, несуразное существо, уверенное в своей мужской неотразимости — пытался не только подкупить, но и покорить обворожительного премьер-министра Клерона.

Переиграв немало комедийных ролей и продолжая сохранять к ним интерес, Волошин, однако, больше склоняется теперь к постижению судеб сложных, трудных, стоящих на грани трагического.

Щемяще трогательным был его Яков Бардин из горьковских «Врагов». «Неслышный», негромкий, он говорил тихо и тихо двигался, будто стыдился самого себя. Стыдился, что ничего не может противопоставить злой силе

Николая Сироботова и пустопорожней болтовне брата Захара. Ему было стыдно, что не может освободить он от себя Татьяну. Он маялся тем, что не из-за него ли, не по его ли вине у нее не даются дела на сцене. Стыд чуткого ко всему и за все лично ответственного, но беспомощного и бесхарактерного русского интеллигента как бы сжигал этого Якова Бардина, сживал его на наших глазах со света.

Полной человеческой противоположностью одному из «лишних людей» прошлого был сыгранный Волошиным наш современник Кэлин Абабий из пьесы Иона Друцэ «Святая святых».

Сухощавый и ладный ветеран этот был убежден, что и на «гражданке» есть своя передовая и свои тылы. Держа себя в постоянной боеготовности, он, очертя голову, как в атаку, кидался туда, где попирались права и справедливость.

Гражданской энергией, бескомпромиссностью, высоким чувством достоинства был дорог Абабий и актеру, и зрителю. И еще был он дорог своей наивной, по-детски незамутненной верой в то, что в любом деле справедливость можно и нужно восстанавливать. А как иначе? В этом большом дяде было много детского, непосредственного, и такая трактовка очень оправдывала ту игру в солдатики, которую на протяжении спектакля ведет Кэлин с деревенским мальчишкой, своим земляком.

Если говорить о том, что называют главной темой актера, то для Николая Волошина она в утверждении простейших, но часто забываемых норм человеческого поведения.

В пьесе А. Галина «Ретро» актер играет старика Чмутина. Он появляется перед нами в синенькой полосатенькой рубашке, похожей на больничную пижаму, в грубых шерстяных носках, какие носят в деревне, угрюмо озадаченный, будто реша-

В КРИВОРОЖСКОМ горнорудном техникуме шли выпускные торжества. Директор вручал дипломы и сообщал о распределении каждого. Разрушенные войной шахты ждали специалистов.

Поздравив получившего одним из первых диплом с отличием Николая Волошина, он сделал паузу и посмотрел в зал, как бы нища в нем поддержки тому, что скажет:

— Не распределен... Решили дать свободный диплом. Нельзя же талант в землю! Хай Микола едет в Москву и там грае в найкращем театре!

Слова директора вызвали одобрительный гул: в театральной жизни Кривого Рога Николай Волошин был фигурой заметной.

Ни у Волошина, ни у тех, кто его знал, не возникало ни малейших сомнений, что в Москве перед ним сразу распахнутся все двери.

Оказалось иначе. В Щукинском училище, куда он подал документы, полный отказ, а женщина из приемной комиссии, как понял он потом, речевик, прямо сказала: — Чтобы научить вас разговаривать по-русски, нужно сто лет.

Никаких резонансов, то ли из-за упрямства, то ли из-за юношеской самонадеянности, он признавать не хотел. Вернуться домой ни с чем? Сказать, что не приняли? Ни за что на свете! Да и в артисты очень хотелось.

После провала в Щукинском подался в ГИТИС.

Было похоже, что и здесь результат окажется малоутешительным. Читал фрагмент из «Евгения Онегина», а члены комиссии загадочно переглядывались.

Когда после экзамена, чувствуя, что дела неважны, стоял в коридоре, думая, куда податься теперь, к нему подошел красивый, статный мужчина и, чуть улыбаясь, сказал:

— Я попросил комиссию послушать вас еще раз. Но хочу вам посоветовать: подготовьте что-нибудь не из русской, а из западной классики. Может, там ваш украинский акцент будет не так бить в ухо.

Волошину сказали, что подходил к нему Андрей Михайлович Лобанов, набравший в том году в ГИТИСе актерский курс.

Разговор в коридоре все и решил. Для повторного экзамена был выбран монолог Отелло. Николай Волошин немало не сомневался, что его выбор крайне неудачен и